

УДК 82.09.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-66-75

ОСТРОВСКИЙ В ОЦЕНКЕ ТУРГЕНЕВА: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПЕРСПЕКТИВАХ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ТЕАТРА

Беляева И. А.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова**119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация**Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук**121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Систематизировать литературно-критические наблюдения над комедией Островского «Бедная невеста», высказанные Тургеневым в рецензии на эту пьесу, которые представляют собой не столько критику текста, сколько положения о принципах становящегося в России в середине XIX в. психологического театра.

Процедура и методы. Используются историко-культурный и сравнительно-типологический подходы.

Результаты. Считается, что Тургенев с приходом Островского, который опирался на народную культуру и развивал демократический театр, разочаровался в вероятности создать адекватную сценическим возможностям тонкую психологическую пьесу и что его статья о «Бедной невесте» является отчасти признанием своего поражения. В работе доказывается, что Тургенев рассматривает Островского не столько как оппонента на драматургическом поприще, сколько как единомышленника. Тургенев-критик находит в новой пьесе Островского глубокое понимание натуры современного человека, поскольку наиболее удачные персонажи «Бедной невесты» оригинально воплощают разные эгоистические черты. Критика Тургеневым «ложной манеры», или «ложного» психологизма, существенно корректируется подержкой психологизма глубинного, который выражается в так называемых «внезапных движениях». Несогласие Тургенева с принципами построения характера центральной героини Островского мотивировано недостаточностью понимания психологического рисунка её характера и увлечённостью критика «Фаустом» Гёте и трагическим образом Гретхен. В целом Тургенев видит в «Бедной невесте» близкую его драматургической линии пьесу, поскольку сам он неоднократно обращался к сюжетам в духе «натуральной школы», которая отличалась от тенденции, намеченной Островским в комедии «Свои люди – сочтёмся». Именно неудача на драматургическом поприще вызвала у Тургенева настоятельное пожелание Островскому вернуться на потерянный путь. Тургенев не призвал драматурга отказываться от психологического вектора, но признавал, что пишущий для театра должен выбирать очень взвешенные решения в деле сценического воплощения внутреннего человека.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа имеет теоретическое значение, поскольку уточняется содержание приёмов психологического воссоздания человека в драматургическом искусстве 1840–1850-х гг. Она имеет также практическое значение для понимания истории развития русской драмы, для конкретизации проблемы творческого диалога Тургенева и Островского.

Ключевые слова: А. Н. Островский, И. С. Тургенев, комедия «Бедная невеста», психологический театр, русская драматургия 1840–1850-х гг.

OSTROVSKY IN TURGENEV'S ASSESSMENT: REFLECTIONS ON THE PROSPECTS FOR A SOCIO-PSYCHOLOGICAL THEATER

I. Belyaeva*Lomonosov Moscow State University**Leninskie gory 1, Moscow 119991, Russian Federation**A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences**ul. Povarskaya 25a, Moscow 121069, Russian Federation*

Abstract

Aim. We systematize the literary-critical observations on Ostrovsky's comedy "The Poor Bride" expressed by Turgenev in the review of this play, which are not so much a criticism of the text, but statements about the principles of the psychological theater that emerged in Russia in the middle of the 19th century.

Methodology. Use is made of the historical-cultural and comparative-typological approaches.

Results. It is found that with the advent of Ostrovsky, who relied on popular culture and developed democratic theater, Turgenev became disillusioned with the possibility of creating a subtle psychological play adequate to the possibilities of stage, and that his article on "The Poor Bride" is partly an admission of his defeat. The article proves that Turgenev considers Ostrovsky not so much as an opponent in the dramatic field, but as a like-minded person. Turgenev the critic finds in Ostrovsky's new play a deep understanding of the nature of modern man, since the most successful characters in "The Poor Bride" embody various egoistic traits in an original way. Turgenev's criticism of the "false manner," or "false" psychologism is significantly corrected by the support of deep psychologism, which is expressed in the so-called "sudden movements." Turgenev's disagreement with the principles of building the character of Ostrovsky's central heroine is motivated by a lack of understanding of the psychological pattern of her character and the enthusiasm of the critic for Goethe's "Faust" and the tragic image of Gretchen. On the whole, in "The Poor Bride" Turgenev sees a play that is close to his dramatic line, since he himself repeatedly turned to plots in the spirit of the "natural school", which differed from the trend outlined by Ostrovsky in the comedy "Our people – let's get along". It was the failure in the dramatic field that caused Turgenev to strongly wish Ostrovsky to return to the lost path. Turgenev did not call on the playwright to abandon the psychological vector, but he acknowledged that a writer for the theater must choose very balanced decisions in the stage embodiment of the inner person.

Research implications. The work is of theoretical importance, since the content of the methods of psychological reconstruction of a person in the dramatic art of the 1840s-1850s is specified. It is also of practical importance for understanding the history of the development of Russian drama, and for concretizing the problem of the creative dialogue between Turgenev and Ostrovsky.

Keywords: A. N. Ostrovsky, I. S. Turgenev, The Poor Bride, psychological theater, Russian drama of the 1840–1850s

Введение

Тема «Тургенев и Островский» относится к числу фундаментальных. Она всегда будет интересовать исследователей, поскольку оба писателя оказали огромное влияние на становление русской драматургии. В рамках этой обширной темы [7] возникают свои частные вопросы, которые в той или иной мере освещались в исследовательской литературе. К их числу можно отнести вопрос о влиянии тургеневских текстов на сочинения Островского [2; 4; 5; 9; 10], проблемы тургеневского посредничества в восприятии Островским европейской литературы [2] и творческой полемики двух писателей, их эпистолярного и личного общения [6; 8].

**Комедия «Бедная невеста»
как проблемный фокус в творческом
диалоге Островского и Тургенева**

Центральным эпизодом в истории творческих взаимоотношений писателей является, без сомнения, статья Тургенева «Несколько слов о новой комедии А. Н. Островского "Бедная невеста"», которая была опубликована в мартовском номере «Современника» за 1852 г.¹ Эпизод этот тщательно отрефлексирован в науке, отражён в комментариях к академическим изданиям обоих писателей и рассматривается как факт признания Тургеневым оригинального драматургического пути Островского, воплощённого им

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии А. Н. Островского «Бедная невеста». Статья И. С. Т. // Современник. 1852. Т. 32. № 3. Отд. III. Критика. С. 1–9.

в комедии «Свои люди – сочтёмся», хотя и с определёнными оговорками и замечаниями, от которых критик не откажется и позже, перепечатывая эту статью в своём собрании сочинений 1880 г.

Статья Тургенева отличается от всех остальных оценок «Бедной невесты», которые получила пьеса в текущей критике 1852–1853 гг. Тургенев был далёк от того, чтобы видеть в ней «новое слово» русской драматургии, как представлял себе ситуацию Ап. А. Григорьев¹. Но его анализ нельзя считать и полностью отражающим точку зрения литераторов «круга Белинского», которые, как справедливо отмечала А. И. Журавлёва, выступали против «попыток углубления индивидуализации» у Островского, «которые, как казалось им, шли в ущерб созданию социальных типов» и были чреватые «“мелочным” психологизмом, некоторой “вязкостью” диалогов, переполненных повторами»². Тургенев, правда, также будет отмечать в «Бедной невесте» и мелочность деталей, и неясность характеров, однако скорее он склонен расценивать эти моменты как следствие излишней «натуральности»: «Нам, помнится, случилось встретить в Риме живописца, который предлагал своим посетителям **микроскоп** для лучшего рассмотрения мелочной отделки своих произведений; но не г. Островскому завидовать хитрому и кропотливому искусству этой мозаичной работы, не автору “Своих людей”, этой замечательной драмы, замечательной особенно по ширине и свободе манеры. Г-н Островский лучше нас знает, что Деннер, известный писатель старушечьих лиц, допускается в кабинетах лю-

бителей как курьёз, и мы надеемся, что г. Островский доискивается для себя более почётного места, на которое, впрочем, его талант даёт ему полное право»³.

В целом оценка Тургеневым «Бедной невесты» не была выдержана в русле какого-то определённого литературно-критического направления, не транслировала она и общее мнение. Не случайно В. П. Боткин, в переписке с Тургеневым согласовавший основные моменты его рецензии, не был доволен её итогом. В письме от 10 марта <1852 г.> он сообщал: «Прочёл твою статейку о “Бедной Невесте” и вчера вечером у Графини <Е. В. Салиас> читали её вслух. Succès d'estime – не больше. Тебе особенно удаются те статьи, которые ты пишешь с лёгкой иронией, – а перед “Невестой” ты, кажется, несколько растаял – и словно трусил высказываться прямо. На статейке лежит тон какого-то сдерживаемого поклонения»⁴. Поэтому рассматривать тургеневскую статью о «Бедной невесте» как «достаточно суровую» и лишь внешне «дипломатично доброжелательную» [4, с. 128], как иногда считается, едва ли правильно. Вернее увидеть в ней своего рода реплику в диалоге двух писателей-драматургов.

Как отмечает Ю. В. Лебедев, «творческий диалог» Островского и Тургенева в начале 1850-х гг. разворачивался прежде всего в их художественных сочинениях. Так, в «Бедной невесте» слышны отсылки к фабуле и центральным персонажам тургеневской повести «Дневник лишнего человека» [4, с. 127–130]. «Тонкие переживания» тургеневского Чулкаурина Островский «переводит на грубоватый язык бесхитростной правды» в образе Милашина, а «в отношениях Мерича с Марьей Андреевной» исследователь усматривает пародию на «тургеневскую философию любви» [4, с. 129]. Это чрезвычайно плодотворное наблюдение требует, конечно, ещё уточнений и коррек-

¹ «От кого именно ждём мы этого нового слова, мы имеем право сказать уже прямо в настоящую минуту: “Бедная невеста” предстоит суду публики, и смешно было бы нам, из какого-то особенного рода журнального рыцарства, отрицаться от того, что в этом новом произведении автора комедии “Свои люди – сочтёмся” мы видим новые надежды для искусства»: Григорьев Ап. А. Русская литература в 1851 году. Статья третья // Москвитянин. 1852. Т. 1. № 4. Отд. V. С. 108.

² Журавлёва А. И. Натуральная школа // А. Н. Островский. Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Шадринский государственный педагогический университет, 2012. С. 275.

³ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 494–495. Выделено нами. – И. Б.

⁴ В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизданная переписка 1851–1869 // Lib.ru: «Классика»: [сайт]. URL: http://az.lib.ru/b/botkin_w_p/text_1869_perepiska_botkina_i_turgeneva.shtml (дата обращения: 19.01.2023).

тировок. Вероятно, Тургенев чувствовал этот полемический момент, что, наверное, сказалось и в его рецензии на «Бедную невесту». Но не только.

**Литературно-критическая статья
Тургенева о «Бедной невесте»
Островского как нарратив драматурга-
единомышленника**

Статья Тургенева интересна в том числе с точки зрения отражения в ней его драматургического опыта, поскольку согласие или несогласие с Островским, как нам представляется, в его рецензии несёт отпечаток личных сомнений, разочарований и принципиальных убеждений: Тургенев-драматург имел к 1852 г. более десятка как уже готовых и опубликованных, так и незавершённых пьес.

Тургенев начинает писать для театра раньше Островского. Его первая пьеса «Неосторожность» датируется 1843 г.¹ И существует такое распространённое мнение, что Тургенев «замолчал» как драматург, потому что «не выдержал конкуренции с Островским» [4, с. 127]. Отчасти и мы согласны с этим, но другое дело, почему не выдержал. Едва ли потому, что его драма была «менее демократична», чем у Островского, или что его театр был далёк от народа. Это не единственная причина, тем более что к моменту ухода Тургенева с драматургического поприща, т. е. к началу 1850-х гг.² Островский написал фактически одну общепризнанную пьесу – «Свои люди – сочтёмся»³. А его яркий москвитянский период только начинался.

Безусловно, Тургенев развивал так называемую «уточнённую драматургию», которая на тот момент «вынуждена была уступить первенство более демократичной и национально укоренённой драматургии

Островского» [4, с. 128]. Повторимся, что в целом это верно, однако нельзя забывать, что комедиография Тургенева не исчерпывается проверками и в социальном плане она довольно открыта. Такие комедии, как «Студент»⁴ или «Холостяк»⁵, например, обращаются к той же мелкочиновничьей, или разночинной среде [1], что и «Бедная невеста»⁶. В центре последних двух названных пьес оказывается ситуация сватовства [11], в целом характерная для «школы молодого Достоевского», внимание к которой прослеживается во многих ранних сочинениях Тургенева.

Замечания и пожелания, которые высказывает Тургенев-критик к «Бедной невесте», примечательны как соображения не столько оппонента Островского по драматургическому направлению, сколько как единомышленника, который поднимает тот же материал, по крайней мере если говорить только о «Бедной невесте», а не о будущих москвитянских комедиях, которого интересуют смежные проблемы и который разрабатывает похожие характеры. Причём тургеневский опыт, в том числе и негативный, поскольку писатель действительно разочаровывается в том, что его пьесы органичны законам театральности, уже выявил для Тургенева его собственные «ошибки». И он как более искушённый драматург пишет об этом в рецензии. Отсюда и «тон какого-то сдерживаемого поклонения», который с удивлением отмечает В. П. Боткин, и высокая оценка целого ряда драматургических решений Островского, и даже соображения

¹ Т. Л. (И. С. Тургенев). Неосторожность. Драматический очерк в одном действии // Отечественные записки. 1843. № 10. С. 221–252.

² Последняя пьеса Тургенева раннего периода, «Вечер в Сорренте», датируется январём 1852 г., а переработанная в 1854 г. комедия «Месяц в деревне» создавалась в 1848–1850-е гг. и в основе своей уже была готова в 1850 г.

³ В литературных салонах Москвы читалась в 1849 г., опубликована в «Москвитянине» в июньском номере за 1850 г.

⁴ Работа над пьесой «Студент», в центре которой была судьба бедного учителя, продолжалась в 1848–1850-е гг. (закончена в марте 1850 г.), она стала основой для комедии «Месяц в деревне», в которой уже несколько смещены акценты.

⁵ Тургенев И. С. Холостяк. Комедия в трёх действиях // Отечественные записки. 1949. № 9. С. 1–64.

⁶ Впервые на близость «Бедной невесты» и «Холостяка» обратил внимание Ап. А. Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году», бегло сопоставив Добротворского и Мошкина. В целом Григорьев всегда считал комедию «Холостяк» слабой. Его мнение не изменилось и в 1859 г., когда он, приветствуя роман «Дворянское гнездо», написал глубокое литературно-критическое исследование о Тургеневе («И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо»»).

критического порядка. Они выдержаны в духе работы не столько над «ошибками» коллеги, сколько над своими собственными промахами.

Итак, Тургенев начинает свою рецензию с призыва, или с «просьбы», к Островскому «отказаться от ложной манеры, которую он себе как бы придал и которой не было заметно в “Своих людях”»¹. При этом Тургенев подчёркивает, что просит видеть в его «словах выражение самых искренних убеждений»², т. е. он даёт коллеге по перу своего рода профессиональный совет – совет не столько критика, сколько драматурга, который знает, где нужно подстелить себе соломку.

Что Тургенев имел в виду под «ложной манерой»? Она, по его мнению, состояла «в подробном до крайности и утомительном воспроизведении всех частных и мелочей каждого отдельного характера, в каком-то ложно тонком психологическом анализе»³. Заметим, что Тургенев выступает не против психологического анализа в драматургии в принципе, а против «ложно тонкого» психологизма. И объясняет, что именно ему не нравится у Островского: такого рода психологизм, который преобладает в «Бедной невесте», он «обыкновенно разрешается тем, что каждое лицо беспрерывно повторяет одни и те же слова, в которых, по мнению автора, и выражается его особенность»⁴. Персонажи Островского, по мысли Тургенева, слишком часто говорят одни и те же фразы или подчёркивают свои переживания, так что вокруг них возникают своего рода «ярлыки, напоминающие свитки с словами, выходящими изо рта фигур на средневековых картинках!»⁵ А «из этого вытекают длинноты утомительные, что весёлый смех, возбуждённый в читателе первым появлением комической фразы, уступает, наконец, место чувству неприятного раздражения при

двадцатом её повторении»⁶. Для Тургенева такой психологизм есть не что иное, как «мелочная разработка характера», которая прежде всего «художественно неистинна», при «всей своей внешней вероятности»⁷. Иными словами, правда художественная не всегда совпадает с правдой действительного факта, с правдой натуральности.

Это чрезвычайно любопытное замечание Тургенева, который сам столкнулся с проблемой передачи внутреннего «я» персонажа в рамках драматургического текста. Например, речь его Кузовкина в «Холостяке» отличают излюбленные в рамках «школы молодого Достоевского» речевые приёмы – «прерывистый и затруднённый, стесняющийся и косноязычный, полный повторений» нарратив [3, с. 68]. Но то, что хорошо в эпической форме, не всегда органично звучит на сцене. Тургенев это знал и высказывал Островскому свои опасения. Кстати, в следующей редакции Островский сократил некоторые повторы, а значит, прислушался к советам.

Тургенев выступает против «излишнего раздробления характеров» в «Бедной невесте», но разделяет настроения Островского в области психологизации драмы. Он знает, что в этом деле должна быть мера, поскольку «излишнее раздробление» может быть чревато тем, что «каждая отдельная частичка исчезнет ... для читателя, как слишком мелкие предметы исчезают для зрения»⁸.

И далее следует знаменитый совет Тургенева Островскому: «Г-н Островский в наших глазах, так сказать, забирается в душу каждого из лиц, им созданных; но мы позволим себе заметить ему, что эта бесспорно полезная операция должна быть свершена автором предварительно. Лица его должны находиться уже в полной его власти, когда он выводит их перед нами. Это – психология, скажут нам; пожалуй, но психолог должен исчезнуть в художнике, как исчезает от глаз скелет под живым и тёплым телом, которому он служит прочной, но невидимой опорой»⁹.

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 493.

² Там же. С. 491.

³ Там же. С. 493.

⁴ Там же. С. 493–494.

⁵ Там же. С. 494.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 495.

⁹ Там же.

Тургенев находит в «Бедной невесте» Островского близкие и его театру приёмы психологизма. Речь идёт о моментах «простых, внезапных движений, в которых звучно высказывается человеческая душа»¹. Здесь многое определяют невербальные, невысказанные элементы. Критик приводит в качестве примера разговор Марьи Андреевны с Меричем, когда она «собирается сказать ... своё горе – предложение ненавистного г-на Беневоленского. Мерич прерывает её замечанием, что у ней хорошие глазки, что так и хочется поцеловать её. Марья Андреевна, вся судьба которой решается в это мгновение, восклицает, наконец: *«Да ты выслушай, ради бога!»*

Мерич. *Хорошо, хорошо; слушаю.*

Марья Андреевна. *Не успела я ещё опомниться от твоего поцелуя (закрывает глаза руками; Мерич её целует), приехал этот Беневоленский, он груб, необразован, просто ужас.*

Мерич. *Мери, ведь это скучная материя».*

В этих немногих словах, в невольном движении Маши, в поступке Мерича открывается нам более глубокий взгляд в сущность характеров и отношений Маши и Мерича, чем в самых тщательно выделанных, так называемых психологических анализах»².

Подобного плана сцена могла легко оказаться в тургеневском «Холостяке» или в «Нахлебнике». Например, когда героиня последней пьесы, только что узнавшая своего родного отца, уверяет его, что они «будут видаться»³, тогда как оба понимают, что прощаются навсегда, и тут же с соседом по имени она как будто даже весело рассуждает о красоте сада, то читатель или зритель понимает, что в этот момент творится у неё на душе. Комедия «Месяц в деревне» также полна таких примеров «внезапных движений».

Тургенев высоко оценивает большую часть персонажей Островского и говорит

об «истине всех выведенных им лиц»⁴, пусть даже они, по его мнению, не дорастают до типов, подобных Хлестакову. Одновременно Тургенев отмечает очень важную черту в этих характерах: он говорит, что Островским в них была «затронута одна струна, которая до сих пор в области искусства издавала только слабые звуки, а именно: струна наивности, нецеремонности, какой-то детской откровенности в эгоизме»⁵. «Все лица комедии г. Островского эгоисты, наивные эгоисты, исключая бедной невесты, Хорькова ... да ещё, может быть, старика Добротворского»⁶, – пишет критик. В этой связи небезынтересно вспомнить рассуждения Тургенева о том, что «Фауст» Гёте «есть чисто человеческое, правильнее эгоистическое произведение»⁷, а Гёте как «поэт-эгоист» «первым заступился за права – не человека вообще, нет – за права отдельного, страстного, ограниченного человека» и показал всем, что он «имеет возможность и право быть счастливым»⁸. Собственно Фауста Тургенев определяет как «мечтательного» и «теоретического» эгоиста, который «хотел через науку завоевать самого себя»⁹. Две статьи Тургенева, об Островском и о Гёте, разделяет чуть более пяти лет, а сам он в 1855 г. в своём романе «Рудин» устами центрального героя продолжит рассуждать об эгоизме как отличительном качестве современного человека. Герои Островского, конечно, не имеют масштабов Фауста, но вот эта новая, общая для всех современных людей краска эгоизма в них есть, и она вполне оригинальна – она отличается «наивностью», «детскостью» и одновременно «не-

⁴ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 492.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 492–493.

⁷ Тургенев И. С. Фауст, траг. Соч. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко (Статья) // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 205.

⁸ Там же. С. 216.

⁹ Там же. С. 211.

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 495.

² Там же. С. 495–496.

³ Тургенев И. С. Нахлебник // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1979. С. 168.

церемонностью». И Тургенев это с радостью приветствует.

Особенно в этой связи он отмечает образы Милашина и Мерича, которые, как полагает Ю. В. Лебедев, восходят к его Чулкатурину и князю Н. из «Дневника лишнего человека» [4]. Если эти персонажи у Островского и имели какой-то полемический по отношению к Тургеневу подтекст, то в рецензии Тургенев этого как будто специально не замечает и принимает характерологические находки драматурга: Мерич, по его мнению, представляет собой удивительно яркое соединение «пошлости, эгоизма» с «молодостью»¹, а Милашин оказывается «юношей завистливым, мелким, скучным, неотвязным, который всё ноет, прощается, не уходит и преспокойно досаждает и удивляется, отчего не всякое чужое счастье ему достаётся»². Словом, у каждого эгоиста своя краска.

Эти персонажи интересны Тургеневу в том числе потому, возможно, что сам он тоже очень интересуется разными выражениями эгоистического в современном человеке. Но одно дело писать об этом в эпической форме, а другое – в драматургической. И тут Тургенев, в сущности, отдаёт Островскому должное. Он высоко оценивает его характерологию.

Вот какое лицо в пьесе Тургенев решительно не принимает, так это саму бедную невесту. И хотя, «создавая образ этой молодой девушки», Островский, по мысли Тургенева, «менее предавался своей обычной склонности к мелочному анализу, он явно искал больших линий, простора», характер Марьи Андреевны ему «удался менее всех»³. Она «сочинена», она «лицо решительно неживое»⁴, потому что, как полагал Тургенев, Островский «чувствовал сам неясность созданного им характера». Этот образ на протяжении всей пьесы сопровождают «неясность» и «колыхание»⁵.

¹ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 493.

² Там же. С. 493.

³ Там же. С. 496.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 497.

Как можно интерпретировать эти критические наблюдения Тургенева? Несомненно, тут сказывался его опыт драматурга и прозаика. Если сопоставлять, например, Марью Андреевну с тургеневской Машей, бедной воспитанницей из пьесы «Холостяк», то женский образ у Тургенева выписан более скупой и отчасти проигрывает персонажу Островского. Тургеневская Маша более страдательное лицо, менее сознательное, что ли. Если же сравнить с Верочкой из «Месяца в деревне», которую Тургенев, кстати, оценил много позже, увидев в этой роли М. Г. Савину, или с Натальей Петровной, то Марья Андреевна, очевидно, уступает им в сложности. Тургенев делает акцент на таком векторе любовной эмоции, который предполагает передачу процесса зарождения и развития чувства. Островский же не подчёркивал такого рода психологических переживаний своей героини. Да и в сущности их на сцене довольно сложно представить, что во многом определило непростую судьбу театральных интерпретаций «Месяца в деревне». Но надо отдать Тургеневу должное, он и не предлагает Островскому вступить на это поле психологического эксперимента. Если в статье и есть претензии к психологическому анализу, то они совсем иной природы.

Тургенев не соглашался также и с неровной манерой, в какой выписана героиня Островского.

У самого Тургенева пока ещё не было опыта в области создания сложного, психологически выверенного женского характера в повести, если не считать задуманную, но ещё не завершённую к тому времени «Переписку»⁶ и отчасти «Дневник лишнего человека». Для него женский мир – пока ещё загадка. И он пытается в нём разобраться поначалу не в прозе, а в драматургической форме – в комедии «Месяц в деревне», которая предшествует его повестям.

Героиня Островского, если следовать характерологическим размышлениям Тургенева, укладывается в его представ-

⁶ Начата в 1844 г., завершена в декабре 1854 г., опубликована в январском номере «Отечественных записок» за 1856 г.

ления о типе Гретхен, который Тургенева очень интересует и о которой он скажет в рецензии на «Фауст» Гёте, что «она мила, как цветок, прозрачна, как стакан воды, понятна, как дважды два – четыре»¹. Однако гётевская Гретхен для Тургенева интересна была в те годы именно потому, что как будто возвышалась над собой, становилась больше себя самой. Он особенно ценил сцену в тюрьме, где Гретхен оказывалась «в тысячу... раз выше умного Фауста»². Тургенев тогда, в середине 1840-х гг. (с определённой долей уверенности можно сказать, что эта точка зрения не поменялась и к началу 1850-х гг.), считал, что Гретхен в случае любого примирения с действительностью (это может быть замужество, рождение ребёнка) потеряла бы всё своё трагическое обаяние. С такой меркой он будет подходить позже и к героиням своих собственных повестей – Марье Павловне из «Затишья», Асе из одноимённой повести, Вере Николаевне из «Фауста». Вероятно, что и к героине Островского он подходит с этих позиций, отсюда разрешение комедии, в котором Марья Андреевна выбирает Беневоленского, ему совершенно не нравится.

«Передо мной новый путь, – говорила у Островского Марья Андреевна, – и я его наперёд знаю. У меня ещё много впереди для женского сердца! Говорят, он груб, необразован, взяточник; но это, быть может, оттого, что подле него не было порядочно человека, не было женщины. Говорят, женщина много может сделать, если захочет. Вот моя обязанность. И я чувствую, что во мне есть силы. Я заставлю его любить меня, уважать и слушаться. Наконец – дети, я буду жить для детей»³.

Для Тургенева неубедительными представляются эмоции героини. Она, по его мнению, и в Мерича-то влюбляется у

Островского, чтобы на этой любви «завязать интерес пьесы». И «обычная борьба» чувств в её душе, которая завершается «обычной жертвой», в итоге, по его мнению, оказывается «неоценённой, едва ли замеченной». Ну а «окончательное... примирение остаётся» и вовсе «совершенно непонятым»⁴. В островсковедении высказывалась мысль о том, что образ Марьи Андреевны в большей степени тяготеет к пушкинской Татьяне [4, с. 129–130], а «вся история отношений Марьи Андреевны и Мерича – это в значительной мере пересказ схемы отношений Онегина и Татьяны»⁵. Тургенев же был склонен в те годы ещё довольно скептически, с недоверием относиться к современным вариациям этого типа. Уточним: не к самому типу Татьяны, а к современным её воплощениям, каковым, видимо, и была дочь небогатого чиновника Марья Андреевна.

Заключение

В итоге можно сказать, что Тургенев соглашается с психологической линией, которую Островский хочет развивать в «Бедной невесте», но одновременно он знает, что драматургу стоит избегать ложного (слишком детального и навязчивого) психологического анализа, а в плане перспективного, с его точки зрения, создания «внезапных движений», т. е. психологизма глубинного, тоже иметь меру. Со схожими проблемами Тургенев столкнулся в своей драматургической деятельности. Как писатель, интересуясь прежде всего внутренним человеком, он стал разрабатывать эту стратегию психологической индивидуализации в прозе. Не случайно «Месяц в деревне» при первой публикации в «Современнике» в 1855 г. Тургенев характеризовал как «собственно не комедию, а

¹ Тургенев И. С. Фауст, траг. Гёте. Перевод первой и изложение второй части. М. Вронченко (Статья) // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 1. М.: Наука, 1978. С. 212.

² Там же. С. 214.

³ Островский А. Н. Бедная невеста // Островский А. Н. Полное собрание сочинений и писем: в 18 т. Т. 1. Кострома: Костромаиздат, 2018. С. 231.

⁴ Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 498.

⁵ См.: Журавлёва А. И. «Бедная невеста» // А. Н. Островский. Энциклопедия. Кострома: Костромаиздат; Шуя: Шадринский государственный педагогический университет, 2012. С. 48.

повесть в драматической форме», которая «никогда не назначалась для сцены»¹.

Вероятно, Тургенев понимал, что Островский, отходя от эстетики «Своих людей» в «Бедной невесте», как будто бы вставал на его путь. Но Тургенев уже знал, что это путь, по крайней мере на тот момент, тупиловый, потому что театр был ещё не готов к решению задачи изображения внутреннего человека. И Тургенев всячески уговаривал Островского вернуться на потерянный путь. При републикации своей рецензии Тургенев признался, что Островский «посрамил» его «опасения и более нежели оправдал ... надежды»², потому что к этому времени Островский не просто состоялся как драматург, опирающийся на народную культуру, он сумел сделать решительный шаг в области создания социально-психологической драмы, хотя она и тогда сложно воспринималась современниками. Но на начало 1852 г.

Тургенев, ещё не знавший, как выстроится театр Островского, поучал и предостерегал его едва ли не из лучших побуждений.

Изучение характера юной героини тоже входило в приоритеты Тургенева. И тут он, критикуя Островского, в какой-то мере признавался и в своей пока ещё беспомощности, когда речь заходила о передаче загадки души женщины. Интересно, что героини поздних социально-психологических драм Островского во многом восходили к открытому им в этой комедии типу «бедной невесты», который вызвал столько недоверия у Тургенева, развили и усложнили его.

В целом рецензия на «Бедную невесту» Островского была для Тургенева поводом не только высветить перспективы русского театра, но и оценить свои драматургические и в целом писательские возможности.

Статья поступила в редакцию 23.01.2023.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беляева И. А. «Я так же беден, как он»: мотивы раннего Ф. М. Достоевского в комедии И. С. Тургенева «Холостяк» // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 2. С. 9–18.
2. Дзюбенко М. А. Гёте – Тургенев – Островский. Из истории рецепции и трансформации сюжета о Фаусте в русской литературе // Спасский вестник. Вып. 12. Тула: Гриф и К°, 2005. С. 95–105.
3. Виноградов В. В. Тургенев и школа молодого Достоевского // Русская литература. 1959. № 2. С. 45–71.
4. Лебедев Ю. В. Творческий диалог А. Н. Островского с И. С. Тургеневым в комедии «Бедная невеста» // Вестник Костромского государственного университета. 2014. № 5. С. 127–130.
5. Лебедев Ю. В. У истоков драматургии А. Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 2. С. 74–78.
6. Музалевский Н. Е. Ранние пьесы А. Н. Островского в письмах П. В. Анненкова и И. С. Тургенева // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5 (49). С. 221–226.
7. Назарова Л. Н. Островский и Тургенев // А. Н. Островский и литературно-театральное движение XIX–XX веков. Л.: Наука, 1974. С. 111–129.
8. Орлова Г. И. А. Н. Островский в эпистолярной рефлексии И. С. Тургенева // Спасский вестник. Вып. 13. Тула: Гриф и К°, 2006. С. 47–55.
9. Трофимова Т. Б. «Если б мы с вами были птицы...» (повесть «Ася» И. С. Тургенева и пьеса «Гроза» А. Н. Островского) // Спасский вестник. Вып. 22. Тула: Гриф и К°, 2014. С. 61–70.
10. Трофимова Т. Б. «Он называл её Снегуркою...» (Тургенев и Островский) // Спасский вестник. Вып. 27. Орёл: Голос-Пресс, 2020. С. 62–67.
11. Швецова Т. В., Шишелова А. Н. Мотив сватовства в пьесах И. С. Тургенева и А. Н. Островского // Спасский вестник. Вып. 14. Тула: Гриф и К°, 2007. С. 101–106.

¹ Месяц в деревне. Комедия в пяти действиях. Комментарии // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 2. М.: Наука, 1979. С. 644. Предваряющее комедию «Замечание», в котором писатель сообщал свои сомнения по поводу сценичности пьесы, датировано декабрём 1854 г.

² Тургенев И. С. Несколько слов о новой комедии г. Островского «Бедная невеста» // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения: в 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980. С. 491.

REFERENCES

1. Belyaeva I. A. ["I am as Poor as He is": The Motives of the Early F. M. Dostoevsky in I. S. Turgenev's Comedy "The Bachelor"]. In: *Filologicheskii klass* [Philological Class], 2022, vol. 27, no. 2, pp. 9–18.
2. Dzyubenko M. A. [Goethe – Turgenev – Ostrovsky. From the History of Reception and Transformation of the Plot about Faust in the Russian Literature]. In: *Spasskii vestnik. Vyp. 12* [Spassky Vestnik. Iss. 12]. Tula, Grif i K° Publ., 2005, pp. 95–105.
3. Vinogradov V. V. [Turgenev and the School of Young Dostoevsky]. In: *Russkaya literatura* [Russian Literature], 1959, no. 2, pp. 45–71.
4. Lebedev Yu. V. [Creative Dialogue between A. N. Ostrovsky and I. S. Turgenev in the Comedy "The Poor Bride"]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2014, no. 5, pp. 127–130.
5. Lebedev Yu. V. [At the Origins of the Dramaturgy of A. N. Ostrovsky]. In: *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Kostroma State University], 2017, no. 2, pp. 74–78.
6. Muzalevsky N. E. [Early Plays by A. N. Ostrovsky in the Letters of P. V. Annenkov and I. S. Turgenev]. In: *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* [Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences], 2012, no. 5 (49), pp. 221–226.
7. Nazarova L. N. [Ostrovsky and Turgenev]. In: *A. N. Ostrovskii i literaturno-teatral'noe dvizhenie XIX–XX vekov* [A. N. Ostrovsky and the Literary and Theatrical Movement of the 19–20th Centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, pp. 111–129.
8. Orlova G. I. [A. N. Ostrovsky in the Epistolary Reflection of I. S. Turgenev]. In: *Spasskii vestnik. Vyp. 13* [Spassky Bulletin. Iss. 13]. Tula, Grif i K° Publ., 2006, pp. 47–55.
9. Trofimova T. B. ["If You and I were Birds ..."] (The Story "Asya" by I. S. Turgenev and the play "Thunderstorm" by A. N. Ostrovsky). In: *Spasskii vestnik. Vyp. 22* [Spassky Bulletin. Iss. 22]. Tula, Grif i K° Publ., 2014, pp. 61–70.
10. Trofimova T. B. ["He Called Her the Snow Maiden ..."] (Turgenev and Ostrovsky). In: *Spasskii vestnik. Vyp. 27* [Spassky Bulletin. Iss. 27]. Orel, Golos-Press Publ., 2020, pp. 62–67.
11. Shvetsova T. V., Shishelova A. N. [The Motive of Matchmaking in the Plays of I. S. Turgenev and A. N. Ostrovsky]. In: *Spasskii vestnik. Vyp. 14* [Spassky Bulletin. Iss. 14]. Tula, Grif i K° Publ., 2007, pp. 101–106.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ирина Анатольевна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук;
e-mail: belyaeva-i@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2840-4034

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Belyaeva – Dr. Sci. (Philological Sciences), Prof., Prof., Russian History of Literature at Philological Faculty, Lomonosov Moscow State University; Leading researcher at A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
e-mail: belyaeva-i@mail.ru; ORCID: 0000-0003-2840-4034

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Беляева И. А. Островский в оценке Тургенева: размышления о перспективах социально-психологического театра // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2023. № 2. С. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-66-75

FOR CITATION

Belyaeva I. A. Ostrovsky in Turgenev's Assessment: Reflections on the Prospects for a Socio-Psychological Theater. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2023, no. 2, pp. 66–75.
DOI: 10.18384/2310-7278-2023-2-66-75